

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЯХ И ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ДОКЛАССОВОЙ И РАННЕКЛАССОВЫХ ЭПОХАХ

(О книге Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография», М., 1973)

Изучению этнических проблем доклассовой и раннеклассовых формаций, в частности рабовладельческой формации, исследователями уделялось незаслуженно мало внимания. Между тем литературная традиция, эпиграфические, археологические и другие данные дают богатейший материал для этнографического исследования как отдельных племен и народностей, так и для изучения общих черт в развитии этнических общностей и процессов, протекавших в древности в целом.

Этнографические проблемы первых социально-экономических формаций не являются специальным или исключительным предметом исследования в книге Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография». Она посвящена более широкому кругу актуальных проблем этнографической науки: выявлению ее предметной области, разработке понятия «этнос», специфике этнических общностей, их типологизации, типам этнических процессов и др., а также анализу взаимосвязей этнографии с демографией, географией, социологией, историей, археологией и другими научными дисциплинами. Тем не менее, так как каждый из этих вопросов изучается автором в историческом аспекте, всесторонняя характеристика этноса в период первых социально-экономических формаций — первобытной, рабовладельческой и феодальной — находит свое место на страницах книги. Именно этот круг вопросов, наиболее близких научным интересам читателей «Вестника древней истории», и будет находиться в центре внимания при дальнейшем изложении.

Прежде чем перейти к двум разделам, «Опыт типологизации этнических общностей» и «Этнические процессы», где более всего, на наш взгляд, нашли отражение этнографические аспекты древнего мира, необходимо хотя бы самым сжатым образом охарактеризовать те общетеоретические положения и терминологию, которыми оперирует автор при выявлении специфики этнических процессов, в частности и в ранние эпохи существования человеческого общества.

Среди различных категорий человеческих общностей, изучению которых посвящена первая глава книги («О месте этноса в системе человеческих общностей»), автор прежде всего выделяет социальные общности — «социальные организмы» (по терминологии Ю. И. Семенова). Их типы на различных этапах всемирно-исторического процесса были различны (стр. 14—16). Первобытное стадо, первобытный род и родовую общину — главные социальные единицы ранней первобытности — сменяют на поздней стадии развития племя, а затем союзы племен. Ввиду существенного отличия органов управления первобытного общества от органов власти классовых формаций автор предлагает именовать племенные общности на раннем этапе развития их власти «потестарными», а на более позднем — «социально-потестарными» племенными общностями (стр. 15). С эпохи классовых формаций роль высшей социальной общности играет государство; сами эти общности лучше всего определять как «социально-политические организмы» (стр. 15—16). Далее разбираются компоненты, определяющие

второй тип человеческих общностей — культурные общности. Их следует рассматривать как в историко-стадиальном (формационные типы культуры), так и в пространственно-временном плане (локальные культуры). При рассмотрении исторически сложившихся культурных общностей автор, следуя за М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым, выделяет два их вида: 1) хозяйственно-культурные типы, определяемые сходством естественно-географических условий и социально-экономического развития и 2) историко-этнографические области, сложившиеся в результате длительных связей и взаимного влияния населения.

Человек образует, однако, не только социальные и культурные, но также и биологические общности (расы, популяции). Различные человеческие общности находятся в постоянном взаимодействии, переплетаются между собой. Особое место среди них занимают «этнотыпы». Этому слову, его этимологии в древнее и средневековое время Ю. В. Бромлей уделяет существенное внимание (стр. 21—22, прим. 49). Слово *ἔθνος* в греческом языке, хотя и многозначно (народ, племя, толпа, группа людей, иноземное племя, язычники, стадо, рой и др.), но в нем всегда можно усмотреть указание на совокупность существ, имеющих некие общие свойства. На ранней, архаической стадии в употреблении этого слова преобладает значение «стая», «рой», «группа», но существует также значение «племя», «народ», которое в классическое время становится доминирующим. В более позднее античное время термин часто употребляется для обозначения негреческого племени.

Выделение этнических общностей среди других человеческих объединений осложняется отсутствием четких критериев для их выделения, разнообразием во мнениях ученых по этому вопросу. Разработке принципов выделения этих критериев автор уделяет много внимания (стр. 27—34). В отличие от некоторых своих предшественников Ю. В. Бромлей относит к этническим признакам прежде всего устойчивые, дифференцирующие (отличающие один этнос от другого) свойства. Антропологические расовые признаки могут играть роль определителя лишь при сопоставлении отдаленных этнических единиц, принадлежащих к разным расам. Для этнического размежевания значительно большую роль играют групповые особенности культуры¹ (особенно такие отчетливо выраженные ее компоненты, как язык, религия, народное изобразительное искусство, устное творчество, обычаи, нормы поведения и т. п.), связанные с общностью психики (стр. 30). Тем не менее ни один из компонентов культуры не является непременно и универсальным этнодифференцирующим признаком. Существенную роль в выделении этносов играет этническое самосознание входящих в него групп, присущая этносам антитеза «мы — они». Для генезиса этноса важное значение имеет единство территории его расселения, которое и дает возможность систематического общения, ведущего к появлению специфических черт в культуре. Существенную роль в формировании и функционировании этносов (особенно со времени возникновения классов) играют экономический и политический (государственный) факторы.

Как видим, в этой первой главе книги нашло отражение стремление автора очертить предметную область этнографии. Эта задача неоднократно ставилась во многих исследованиях. Ее решение на современном этапе развития науки свидетельствует о зрелости этнографии.

Многоплановый подход автора к этнографическим феноменам очень ярко проявился во второй главе «Этнос и этносоциальный организм». Здесь четко различаются две этнические категории: во-первых, этнос в узком смысле («этникос») — ядро этнической общности, обладающее совокупностью основных стабильных этнических свойств. Для выявления этих свойств автор применяет очень своеобразный и новый метод. Он считает миграции (главным образом микромиграции) как бы тем историческим экспериментом, который дает возможность выявить основные стабильные этнические свойства. Таковыми, как полагает автор, являются особенности культуры (в том числе язык-

¹ Имеется в виду культура в широком смысле слова: «не только определенные результаты человеческой деятельности, но и сам ее способ, выраженный в действиях и поступках» (стр. 30).

ка), психики, а также этническое самосознание. Однако нам представляется, что степень устойчивости различных этнических признаков при миграциях зависит от очень многих условий, определяемых не только характером миграции, но и составом (социальным, возрастным и пр.) мигрирующих групп, и особенно средой, в которую эти мигрирующие группы попадают. При этом в одних случаях большую или меньшую устойчивость могут проявить одни признаки, в других — другие. Возможно, в этом ряду признаков следует упомянуть и антропологические признаки. Однако сама идея изучения миграционных процессов и их воздействия на мигрировавшие группы для определения главных этнических черт как отдельных этносов, так и в общетнографическом плане, по нашему мнению, очень продуктивна.

От этникаса автор отличает вторую этническую категорию — этнос в широком плане, «этносоциальный организм» (эсо), возникающий благодаря синтезу этникаса и социальной среды (стр. 35—38). Эсо, кроме этнической общности, обычно обладают также территориальной, экономической, социальной и политической общностью. Относительная консервативность этникаса обуславливает его сохранение на протяжении нескольких социально-экономических формаций, в то время как эсо неизбежно меняются по мере перехода от одной формации к другой.

Обоснованное расчленение двух различных этнических категорий, по нашему мнению, во многом облегчает решение насущных этнографических проблем, служивших поводом для длительных дискуссий.

Глава третья «Культура и ее этнические функции» посвящена одному из наиболее существенных компонентов этноса. Среди многочисленных функций культуры Ю. В. Бромлей особенно подробно останавливается, естественно, на тех, которые несут этническую нагрузку. Это прежде всего коммуникативные функции культуры, обеспечивающие передачу этнокультурной информации через произведения материальной и духовной культуры, но главным образом через речь (словесная информация). Наиболее действенными являются непосредственные контакты. Их осуществление, подчеркивает автор, происходит в различных для доклассовых, с одной стороны, и классовых, с другой — социальных ячейках. В первом случае этнокультурная информация происходит в общинах различной формы, во втором — в семье. При этом межпоколенная (диахронная) и пространственная (синхронная) этнокультурная информация обеспечивает стабильность этноса во времени и пространстве (стр. 47—53). Исторический подход к изучению культурных явлений замечен и при исследовании вопроса об языке. Подчеркивая, что языковая общность всегда несет функции этнического разграничителя, автор обращает внимание на то, что в первобытнообщинную эпоху язык выступал как важный фактор этнического сплочения племен, однако «ему еще не принадлежала роль важнейшего этнического разграничителя» (рис. 57). С переходом к эпохе классовых обществ, с образованием народностей этническая роль языка возрастает, чему немало способствует появление письменности. Для наименования той части культуры (в узком смысле слова), которая несет наибольшую, основную этническую нагрузку, автор предлагает термин «традиционно-бытовая культура» (в противоположность профессиональной культуре и неустойчивым, «нетрадиционным» компонентом бытовой культуры). Удельный вес этого слоя — носителя этнических черт в культуре имеет тенденцию к уменьшению. Охватывая в первобытном обществе, где производство и потребление неразрывно слиты, все сферы культуры, он уменьшается по мере технического и социального прогрессов (стр. 75).

Этнические свойства культуры в узком значении этого слова, как правило, не столь четко выделяются обыденным сознанием как этнические свойства языка². Возможно,

² Ю. В. Бромлей отмечает, кстати (стр. 63, прим. 69), что трудности, возникающие у археологов при определении этнической принадлежности той или иной археологической культуры, объясняются локальными особенностями в культуре этносов, которые характерны более всего для материальной культуры. К сожалению, вопрос о соответствии этноса и археологической культуры, недавно служивший предметом оживленных дискуссий, не снимается указанием на возможность локальных вариантов в материальной культуре, так как археологические памятники несут в себе

этим объясняется мнение о том, что общность культуры как этнический признак существует лишь у этносов первобытнообщинной эпохи и отсутствует у этнических образований классовых эпох в силу внутриэтнических локальных различий. Это мнение вызывает возражение автора. Вместе с Н. Н. Чебоксаровым он считает, что культурно-бытовые различия внутри этносов в классовых формациях не охватывают всего культурного достояния народа, что «классовые различия в культуре в разной мере с разной степенью остроты проявляются в разных сферах» (стр. 61), главным образом в политической идеологии, в сфере потребления материальной и духовной культуры. С другой стороны, отсутствие единообразия в одних сферах культуры (локальные варианты) восполняется единством во многих других (главным образом в сфере духовной культуры) (стр. 60—63).

Четвертая глава «К вопросу об этнических аспектах психики» также содержит ряд положений, имеющих непосредственное отношение к ранним эпохам истории человечества. Автор отстаивает ту точку зрения, что общность психического склада, устойчивые особенности психики присущи этническим общностям всех формаций (стр. 92). Эти особенности он считает характерными в доклассовом обществе для союзов племен, а в рабовладельческом и феодальном — для народностей. «В частности, психический склад германцев эпохи Тацита, — замечает Ю. В. Бромлей, — несомненно, существенно отличался от устойчивых психических свойств, характерных для римлян того же времени» (стр. 92).

Важную роль в функционировании этнических общностей играет этническое самосознание. Внешним проявлением его является самоназвание — этноним. Основное же содержание составляют представления о стереотипах — характерных чертах своего этноса и как противоположность им — о чертах иных этносов. Этническое самосознание присуще этносам первобытной эпохи в форме племенного сознания, на что указывали уже К. Маркс и Ф. Энгельс (Соч, т. 3, стр. 30). Этническое самосознание включает представление об общности происхождения, выражающейся в кровном родстве членов этноса. Для доклассовой и ранних классовых формаций характерно представление о родстве членов этноса, основанное на мифах и преданиях. Объективное существование родства подавляющего большинства этнических общностей первобытности — членов племен бесспорно (стр. 103). И этим они отличаются от крупных общностей классовых формаций, родство всех членов которых не обязательно. Поэтому оно не может рассматриваться как объективно существующая отличительная черта этносов всех социально-экономических формаций. Более правильно отражает объективную реальность представление об едином происхождении членов этноса, объясняемой не родством, а общностью исторических судеб. Усиление этнического самосознания, несмотря на ослабление этнических свойств культуры у современных народов (это явление автор справедливо именует «этническим парадоксом») указывает на ту особую роль, которую играет в настоящее время представление об общности происхождения (стр. 106).

Интерес для выявления специфики этнических процессов в древности представляет и глава V «Эндогамия как „стабилизатор“ этноса. Этнос и популяция». В ней автор подчеркивает роль эндогамии как фактора, обеспечивающего «стабильность» этноса: прорыв эндогамии, ее нарушение приводит в конечном итоге к разрушению этноса (стр. 114—118). Эндогамность основных этносоциальных ячеек первобытного общества общепризнана. Преимущественное заключение браков внутри своей общности прослеживается и в рабовладельческих обществах. Так, в Афинах при Перикле, замечает Ю. В. Бромлей, «запрещение заключать браки с „варварами“ было оформлено в виде специального закона» (стр. 115). В раннесредневековой Западной Европе формирование новых этнических общностей сопровождалось отменой запрета на заключение смешанных браков в варварских королевствах. Но и для крупных этносов нашего времени

информацию не только о материальной, но и о духовной культуре племен и народов, их оставивших. Нельзя ли предположить, что в первобытную эпоху общность культуры (не только в узком, но и в широком смысле) была характерна для крупных этнических единиц, охватывающих несколько родственных племен. Более подробно этот вопрос будет освещен ниже, когда речь пойдет о типологизации этнических общностей.

характерна брачная замкнутость: в современных условиях этносы на 85—90% эндогамны. Существуют ряд этноизолирующих факторов, способствующих сохранению эндогамии. Автор считает таковыми: язык, государственные границы, религию, а также самые различные сферы общественной жизни, например, обычаи (особенно эндогамные ограничения), законодательство, стереотипы поведения, внешний облик (особенно расовые различия) и др.

Мнение автора о значительной роли эндогамии для сохранения этноса было высказано им в более развернутом виде ранее³. Как известно, это мнение вызвало дискуссию, большинство участников которой высказалось в поддержку основных положений Ю. В. Бромлей⁴. В частности, и мне пришлось приводить примеры, опровергающие утверждение оппонентов Ю. В. Бромлей о том, что-де в античности эндогамия не играла существенной роли. Действительно, положение о том, что эндогамность является основой сохранения этноса, применимо в равной мере и для рабовладельческих обществ. Здесь, однако, хотелось бы обратить внимание на иную сторону этнических процессов в древнем мире и заметить, что эндогамность этносов (=этнических) античной эпохи нельзя абсолютизировать. В век широкой греческой, а потом и латинской диаспоры, весьма развитых экономических (главным образом торговых) связей, широкого распространения эллинской и римской культур и создания крупнейших империй разрушение замкнутых эндогамных обществ становилось характерной чертой античного мира. И закон Перикла был попыткой приостановить этот процесс, не увенчавшейся, впрочем, успехом. В данной связи можно не говорить о весьма частых браках между гражданами различных полисов, так как этих граждан нельзя, как мне кажется, считать носителями различных этносов. Но и браки эллинов или римлян с «варварами» были явлением очень распространенным в античном мире (даже среди знати, особенно кичившейся своим происхождением), чему достаточно примеров дают и литературные и эпиграфические источники. Те этноизолирующие факторы, на которые обратил внимание Ю. В. Бромлей, действовали в античную эпоху слабее, чем, например, в средневековую: общеизвестен синкретизм греческой и римской религий, постоянное восприятие варварских обычаев и обрядов античными народами, нечеткость государственных границ в античное время, охватывающих к моменту крушения Македонской державы или Римской империи территории множества различных племен и народов. Все эти черты античной ойкумены очень ускоряли процесс разрушения отдельных этносов, входящих в состав этих крупных этносоциальных организмов и способствовали возникновению сначала социально-политических, а потом и этнических понятий «эллин» и «римлянин». Как представляется, эти черты существенно отличали рабовладельческий античный мир от феодального средневековья с его более замкнутым натурализованным хозяйством, влиявшим также на этнокультурные связи.

Теоретическая значимость работы особенно четко выступает при проведении типологизации этнических общностей, которой посвящена шестая глава. Ю. В. Бромлей характеризует основные типы этнических и этносоциальных организмов в различные периоды истории человечества. Остановимся на предложенной автором классификации этнических общностей в период первобытной и рабовладельческой формаций. При этом ставятся следующие классификационные задачи: определить, каковы были, во-первых, основные этнические подразделения⁵, во-вторых, элементарные «микроэтнические» и, в-третьих, «макроэтнические» единицы. В каждом из этих трех подразделений решается вопрос об этносе и об эсе.

Основным этническим подразделением первобытности автор считает племя. Возражая тем исследователям, которые видят в племени только социально-потестарную общность и подчеркивают лишь одну из сторон его функционирования — функцию

³ Ю. В. Бромлей, *Этнос и эндогамия*, СЭ, 1969, № 6; о п же, *Этнические общности и эндогамия*. Тезисы докладов на сессии Отделения истории АН СССР, посвященной 50-летию ленинского декрета о создании РАИМК, Л., 1969.

⁴ Обсуждение статьи Ю. В. Бромлей «Этнос и эндогамия», СЭ, 1970, № 3.

⁵ Под этим термином понимается совокупность людей, обладающая наибольшей интенсивностью этнических свойств (стр. 125).

власти, Ю. В. Бромлей отмечает, что племя характеризуется также и собственно этническими чертами (общими диалектом, религиозными представлениями, обрядами, собственным именем). Племя является, следовательно, этносоциальным образованием. На ранней стадии развития первобытного общества потестарные функции племени еще слабо выражены и превалируют черты, характерные для этнических общностей в узком смысле слова (племя-этнокос). На поздней стадии первобытности, когда племя-этнокос превращается в племя-эсо, роль этникоса начинает играть «соплеменность», т. е. совокупность всех членов племени, где бы они ни находились, в пределах или же за пределами территории племени (стр. 127—132). Затем автор переходит к определению макроэтнических единиц первобытной эпохи как этносоциальных, так и собственно этнических. В качестве первых выступают союзы племен, обладающие потестарной и культурной общностью; в качестве вторых — межплеменные этнические общности — семьи племен, обладающие самосознанием и языковым родством (стр. 134—135). И, наконец, решается вопрос о микроэтнических подразделениях этой же эпохи. Микроносителем этнических свойств в это, как и последующее время, бесспорно, должен быть признан отдельный человек — этнофор. Сложнее вопрос о микроэтносоциальной единице первобытности. При дислокальном браке в качестве таковой единицы выступает род, при унилокальной форме брака — локализованная часть рода. На стадии разложения первобытной формации роль такой микроэтносоциальной единицы играет большая семья.

Предложенная схема содержит четкую стратификацию этнических подразделений первобытного общества, дающую полную возможность оперировать единой терминологией для обозначения одних и тех же явлений. Она не только приемлема, но и удачна. Некоторые сомнения вызывает определение племени в качестве основного этнического подразделения первобытной эпохи. Если стать на единственно возможный для определения этой единицы путь, выдвинутый самим автором, т. е. искать то ядро, в котором были наиболее четко выражены основные этнические признаки — язык, культура, психический склад, самосознание, то оказывается, что племя мало подходит для роли основной этнической единицы первобытности. Оно не обладало языком, который бы мог служить этнодифференцирующим признаком (это хорошо показано на стр. 57—68 Ю. В. Бромлеем). К этому раннему этапу истории человечества относится существование и функционирование крупнейших лингвистических общностей и семей языков, распадение коих на отдельные языки было результатом чрезвычайно длительного процесса. Именно для этой эпохи характерно также существование и крупных археологических культур, причем ареал распространения их не совпадает с распространением племенной общности: известно, что ранние археологические материалы от эпохи палеолита до культур эпохи бронзы (и даже раннего железа) указывают на существование очень крупных культурных общностей, которые невозможно считать культурой одного племени. Нельзя напрочь отклонять и предположения о возможности существования самосознания у носителей этих широких культурных общностей (правомерность такого предположения, сделанного Г. П. Григорьевым, допускает и Ю. В. Бромлей — стр. 130). Отсутствует у отдельного племени такой существенный признак, как особенности психики, прослеживаемый, как это справедливо показано автором (стр. 92), лишь на уровне семей племен. Единое название для крупных племенных объединений, бесчисленные примеры которых дает нам античная историография, было, безусловно, отражением их языковой и культурной общности. Таким образом, создается впечатление, что основными этнодифференцирующими признаками в период «классической» первобытности племя не обладало. Если это так, то племя-эсо не было, однако, этникосом. Его роль играла более широкая этническая общность, о которой мы можем судить по лингвистическим и археологическим материалам первобытной эпохи.

Стратификации этнических общностей докапиталистических классовых формаций автор отводит в этой главе значительное место (стр. 137—144). Соглашаясь с уже принятым в науке термином «народность» для обозначения основного этносоциального подразделения рабовладельческих и феодальных обществ, автор считает все же целесооб-

разным ввести различную терминологию для их обозначения. Таковыми должны быть, по мнению автора, «рабовладельческая народность» и «феодалная народность» (стр. 137—138). Что же касается этнических рабовладельческой и феодальной эпох, то автор предлагает определять их тем же термином «народность», но уже без социальных дефиниций (стр. 138—139). Консолидационные процессы в раннеклассовых обществах способствовали сложению новых этнических. Эти процессы как в рабовладельческую, так и в феодальную эпохи были сложны и противоречивы. Консолидация шла на нескольких уровнях. Так, с одной стороны шел процесс формирования народностей на основе племенных общностей, объединенных в небольшие политические организмы; с другой же — протекал процесс формирования обширных народностей, включавших несколько племенных общностей (как родственных, так подчас и неродственных). Таким образом, например, сформировались, по мнению Л. П. Лашука, с которым согласен автор, афинская, спартанская и другие народности, сложившиеся на основе полисов; наряду с ними существуют и народности более высоких уровней, например эллинская народность, возникшая вследствие появления общегреческих политических объединений во второй половине I тыс. до н. э. (стр. 140).

В античную эпоху (в отличие от феодальной) формированию более крупных народностей предшествует формирование более мелких, т. е. процесс этнической консолидации идет от низших уровней народностей к высшим (стр. 140—141). Существенно и отличие эоо первобытной эпохи (племен) от эоо первых классовых обществ (народности). Помимо существенных и очевидных различий в социальной структуре этих подразделений, они отличны и в этническом отношении: у народности менее ярко выражено культурное единообразие, чем у племени, но так как народность, как правило, более крупное территориальное объединение, то в пространственном отношении ее культурная однородность больше, чем у племени (стр. 142).

Макроэтническими единицами в период докапиталистических классовых формаций являются: 1) этнос — этнолингвистические общности (совокупности родственных народностей), генетически восходящих к семьям племен, обладающие родством языков, и 2) эоо — этнополитические общности (по терминологии С. И. Брука), формирующиеся в составе крупных государственных объединений. Для этих крупных государственных объединений характерно сохранение в своем составе и ранее возникших эоо — народностей, имеющих еще и в этот период четкую этническую специфику. Несмотря на то что в крупных этнополитических общностях идет процесс появления этнических черт, общих для всех входящих в них народностей, тем не менее сила этнической общности отдельных народностей, входящих в государственное объединение, больше той, которой обладает это объединение в целом.

Роль микроэтнических единиц обеих формаций играют: этнос — человек, эоо — большая или чаще малая семья (стр. 143—144).

Таким образом, предложенная классификация этнических общностей периода трех первых социально-экономических формаций может быть, по моему мнению, представлена таблицей (см. на след. стр.). По поводу этой четкой классификации хотелось бы высказать несколько соображений, касающихся главным образом терминологии. Как видим, этнические общности рабовладельческой и феодальной эпох Ю. В. Бромлей предлагает именовать одними и теми же терминами. Исключение представляют лишь термины, определяющие эоо основных этнических подразделений и подчеркивающие формационную принадлежность каждого из этих подразделений (рабовладельческая народность и феодальная народность). Терминологическое совпадение предполагает и совпадение семантическое. Между тем этносоциальные организмы и этносоосы (на всех таксономических уровнях) каждой из двух первых классовых формаций имели достаточно специфических черт, чтобы получить самостоятельные наименования — термины, которые бы их отличали без дополнительных развернутых характеристик. И сам автор видит существенную разницу между этносами рабовладельческой и феодальной эпохи, подчеркивая не только социально-политические, но подмечая и чисто этнические различия. Возможно было бы более целесообразным согласиться с теми этнографами (С. А. Токарев, В. И. Козлов, М. Д. Каммари и др.), которые проводят

Т а б л и ц а

Социально-экономическая формация		Основные этнические подразделения		Макроединицы		Микроединицы	
		этнокос	эсо	этнокос	эсо	этнокос	эсо
Первобытно-общинная	Ранняя стадия	Племя-этнокос	Племя-эсо со слабовыраженными функциями власти	Семья племен	Союз племен	Этнофор	Род; локализованная часть рода
	Поздняя стадия	Соплеменность	Племя-эсо				Большая семья
Рабовладельческая		Народность	Рабовладельческая народность	Этнолингвистические общности	Этнополитические общности		Семья (большая или чаще малая)
Феодальная		Народность	Феодальная народность	Этнолингвистические общности	Этнополитические общности		Семья (большая или чаще малая)

терминологические различия между этносом рабовладельческой и этносом феодальной эпох. Для различия этих понятий, как мне кажется, вполне употребим термин «демос», предложенный С. А. Токаревым для обозначения основного эсо рабовладельческой эпохи, или же, например, термин «популус». Эти древнегреческий и латинский термины подчеркивают и этническую специфику и формационную принадлежность эсо двух античных народов — греков и римлян, в истории которых наиболее ярко проявились черты рабовладельческой формации. Античные термины хороши уже тем, что не вызывают ассоциаций с современными феноменами⁶, и, следовательно, применение античной терминологии менее чревато ошибками, связанными с модернизацией явлений. Что же касается эсо варварской периферии античного мира, то к ним, естественно, ни термин «демос», ни термин «популус» не применимы, так как нет достаточных оснований считать все эти варварские эсо рабовладельческими, что неоднократно отмечалось в исследованиях по социально-политической и экономической истории племен античной ойкумены.

Очень плодотворной представляется мысль о формировании в рабовладельческую эпоху народностей⁷ различных уровней.⁸ Это — одна из характерных черт античного мира, где грубое завоевание включало в рамки единой политической организации самостоятельные и жизнеспособные политические и этнические подразделения, которые продолжали интенсивное самостоятельное социальное, политическое и этническое развитие⁷. Большинство из завоеванных Римом племен находилось на стадии союза племен (эсо) и семей племен (этнокос). Несмотря на нивелирующее действие римской культуры, экономики и вопреки им, у народов и племен, входящих в Римскую империю, формировалась самостоятельная единая народность и соответствующее ей самосознание. В какой-то мере для того исторического отрезка времени, который принято называть античным, можно говорить о несоответствии основной политической единицы (например, держава Александра Македонского, Римская республика и Римская империя) и основных этносоциальных организмов, которыми оставались покоренные народы, продолжавшие жить в своей системе социально-политических отношений, очень

⁶ Пожалуй, слишком строго отвергать термин «демос» лишь на том основании, что существует термин «демография», включающий изучение народонаселения страны в целом без социальных различий (стр. 137). Ведь однокоренные слова, обозначающие различные понятия, — явление повсеместное и закономерное.

⁷ О подобном процессе сохранения и развития племен одновременно с формированием и развитием народности автор говорит в седьмой главе.

медленно и не до конца включавшиеся в общенмперские этнические и социально-политические процессы. Короче говоря, этнические процессы в античности отставали от развития политической организации, в которой подчас искусственно объединялись различные этносы.

Несовпадение этнических и политических подразделений иного характера обнаруживает и греческая история доэллинистического периода. Полису — основной политической единице древней Греции не соответствовали гораздо более широкие этнические подразделения эллинов, уже в гомеровскую эпоху имевшие единое самосознание, этникон, язык (деление на диалекты не имело отношения к делению по полисному принципу) и культуру. Поэтому не совсем верно говорить об афинянах, спартацах, беотийцах, платейцах как о представителях самостоятельных этнических подразделений.

На специфические черты доклассовой и раннеклассовых формаций Ю. В. Бромлей обращает внимание и в главе седьмой «Этнические процессы». Он различает, во-первых, этнические процессы в широком смысле слова, при которых происходит изменение отдельных компонентов этнической системы, имеющее эволюционный характер («этноэволюционные процессы») и, во-вторых, этнические процессы в узком смысле слова, предполагающие скачкообразный переход этноса в новое состояние («этнодискретные процессы»). Для доклассовых обществ характерны те из этноэволюционных изменений, которые ведут к этническому разделению этносов (стр. 156). Они чаще всего были вызваны истощением естественных ресурсов племенной территории и необходимостью разделения и расселения племен. Этот же процесс и связанные с ним массовые миграции характерны для докапиталистических классовых формаций; он способствовал возникновению многих народов мира. Со времени разложения первобытного общества доминирующими, однако, становятся процессы этнического объединения. Эти две противоположные тенденции часто сочетались, происходя на различных уровнях этнических общностей. Так, например, при формировании народностей, с одной стороны, идет объединение племен, с другой же — еще долго продолжается внутреннее развитие этих племен с тенденцией к их сохранению (стр. 159).

Касаясь различных факторов, оказывающих влияние на развитие этносов, Ю. В. Бромлей подчеркивает значительное влияние географической среды в первобытности и постепенное убывание ее значимости на более поздних этапах истории человечества. Наоборот, роль экономических связей в развитии этнических процессов возрастала от эпохи первобытности (где она в интеграции племен не играла существенной роли), к последующим эпохам. В то время как межплеменной обмен носил эпизодический характер, экономические связи уже в раннеклассовых обществах способствовали формированию народностей (стр. 167).

Разбор и исследование этнических процессов позволил автору дать характеристику основным их направлениям в период первых трех формаций, с которой нельзя не согласиться.

Оценивая труд в целом, следует сказать, что перед нами очень вдумчивое теоретическое обобщение конкретно-этнографических знаний, в котором нашли отражение и проблемы развития этнических общностей на всех ступенях развития человечества. В отношении этнографического изучения рабовладельческой формации Ю. В. Бромлей прокладывает путь, который предстоит продолжить в конкретных исследованиях по изучению этнических общностей раннеклассовых формаций. Многие проблемы, поставленные в его книге, свидетельствуют о важности и актуальности этнографических аспектов для изучения истории древнего мира.

Т. Д. Златковская